

**ВАДИМ
РУДНЕВ**

ЛОГИКА
БРЕДА

Вадим Руднев
Логика бреда

«Когито-Центр»

2015

УДК 130.3
ББК 71

Руднев В. П.

Логика бреда / В. П. Руднев — «Когито-Центр», 2015

Книга известного российского философа и психолога Вадима Руднева посвящена осмыслению вопросов, связанных с построением логики бредовых представлений с позиций философии обыденного языка и психосемиотики, междисциплинарного подхода, который автор книги давно разрабатывает в своих исследованиях. Автор вводит ряд новых концептов, таких, как бессознательная наррация, согласованный бред и подлинный бред. Бессознательная наррация – это повествование, которое разворачивается помимо сознания его автора. Согласованный бред – это та реальность, в которой мы живем. Подлинный бред – это не просто бред шизофреника, а некое особое и, как правило, креативное состояние человеческой психики. Книга написана живым, увлекательным языком. Она будет интересна и полезна не только психологам, философам и культурологам, но и всем читателям, для которых актуальны вопросы развития человеческого интеллекта.

УДК 130.3

ББК 71

© Руднев В. П., 2015
© Когито-Центр, 2015

Содержание

От автора. Бред и мы	6
Предисловие. Откуда берется бред?	7
Глава первая. Бред воздействия	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вадим Руднев

Логика бреда

© Руднев В. П., 2015
© Когито-Центр, 2015

* * *

От автора. Бред и мы

Жиль Делёз, как известно, считал, что философия – это изобретение концептов. В этой книге мне, кажется, удалось изобрести как минимум два интересных концепта: *бессознательная наррация* и *согласованный бред*. Я не буду рассказывать, что это значит, потому что тот же Делёз (который последние годы оказывает на меня все большее влияние) писал, что философская книга должна быть похожа на детективный роман. Так что я не стану портить читателю удовольствие.

Вообще говоря, чтобы лучше понять «Логику бреда», лучше бы вначале прочитать книгу «Новая модель реальности», так как многие идеи взяты из нее. Но поскольку совершенно непонятно, какая книга выйдет в свет раньше, а какая позже, на первых страницах «Логике бреда» я постараюсь объяснить основные положения своей нарративной онтологии.

О чем эта книга? Она не о сумасшедших и не о бреде сумасшедших, она о нашей обыкновенной жизни, и не потому, что наша жизнь – это полное безумие, хотя она, конечно, и есть полное безумие, а потому, что бред – это настолько странное явление, что он в каком-то смысле есть, а в каком-то смысле, может быть, его и нет. Но я уже начал рассказывать сюжет.

Мой парижский друг Ефим Курганов читал ежедневно каждый фрагмент этой книги, и от него я получал много комплиментов и еще больше критики. И за то, и за другое я выражаю ему самую глубокую признательность. С Михаилом Бойко, моим учеником и другом, мы обсуждали те вещи, которые касаются мультиверсной интерпретации квантовой физики. Моя жена Татьяна Михайлова подсказала мне несколько интересных сюжетных ходов. Кирилл Горелов оказывал мне неоценимую моральную поддержку.

Я желаю всем счастья.

Предисловие. Откуда берется бред?

Давайте для начала зададимся простым вопросом: откуда берется бред? Ответ будет таким: бред берется из жизни, из самой обыкновенной обыденной жизни. Шизофрения – специфическое психическое заболевание человека. Только homo sapiens болеет шизофренией. Потому что чтобы сойти с ума, нужно по меньшей мере им обладать. Что такое ум, мышление? Это способность отличать одно от другого и строить умозаключения. Люди это умеют. Почему же они сходят с ума? На самом деле сумасшедших не существует. Шизофреники – такие же люди, как мы. Но чем-то они все-таки отличаются от нас. Чем же? Можно было бы сказать так: они не тестируют реальность, они ее отрицают. Но что такое реальность? Я отвечу на этот вопрос в духе своей только что законченной книги «Новая модель реальности». Реальность – это система нарративов, зашифрованных посланий, смыслов, превращающихся друг в друга и проникающих друг в друга, а также отождествляющихся и разотождествляющихся друг с другом¹. Шизофрения вполне отвечает такому определению реальности, ибо в ней происходят именно эти процессы. Выходит, Фрейд и другие психоаналитики, которые определяли шизофрению как отрицание реальности, ошибались? Нет, они не ошибались. Они просто не задумывались над тем, что такое реальность, или понимали ее наивно-позитивистски, в духе XIX века, как нечто существующее самостоятельно, помимо нашего сознания. Что же такое жизнь, откуда, как мы полагаем, берется бред? Жизнь – это нечто в высшей степени парадоксальное. С одной стороны, она ведет к смерти, энтропии, с другой – к бессмертию, информации. И самое удивительное, что эти противоположные процессы происходят в жизни одновременно. Мы живем и все время что-то создаем, а что-то разрушаем.

Как возникает бред, шизофренический бред, бред воздействия? Мы все так или иначе воздействуем друг на друга. В детстве на нас воздействуют родители, старшие братья, воспитатели и учителя, телепередачи, книги, подслушанные разговоры взрослых, знакомые мальчишки во дворе. Когда мы становимся взрослыми, то сами начинаем воздействовать на других людей: на своих детей, жен, коллег, друзей и знакомых. Но на нас по-прежнему продолжают оказывать воздействие книги, картины, музыка, газеты и другие массмедиа, в последнее время – интернет и политики, которые нас обманывают. Причем же здесь бред воздействия? У так называемых психически здоровых людей взаимное превращение и проникновение смыслов происходит хотя и по-разному, но более или менее однотипно. Но представим себе, что нечто или некто воздействует на нас совершенно особым образом. Когда Гамлет говорил с призраком своего отца, это был, возможно, бред воздействия. Гамлет очень не любил своего дядю и ревновал его к матери. У него был классический эдипов комплекс. Во всяком случае, так считал Фрейд, посвятивший Гамлету фрагмент своей книги «Толкование сновидений». Вот на этой датской почве принц и заболел. А призрак отца был его проекцией и больше ничего. Он просто сформировал у Гамлета сверхценную идею: отомстить, убить Клавдия, и с этой точки зрения вся система смыслов и ценностей у Гамлета переформировалась. Сам Гамлет не считал себя психически больным, он хотел добросовестно убедиться в преступлении Клавдия и поэтому притворился сумасшедшим. С моей точки зрения, близкой к позиции антипсихиатрии Рональда Лэйнга и Томаса Саса, быть сумасшедшим и притворяться им – это, в сущности, одно и то же. Безумие – это языковая игра со своими правилами. Первое состоит в том, что безумец не должен поступать разумно. Иначе его разоблачат и обвинят в симуляции. А что значит вести себя разумно? Это значит ходить на работу, читать газеты, любить жену и заботиться о детях. А что значит вести себя безумно? Бегать, рвать на себе волосы, выкрикивать нелепые слова, видеть галлюцинации? Не обязательно. А что обязательно? Перестать верить в

¹ Руднев В. Новая модель реальности. М.: Дело, 2015.

формальные стереотипы жизни. Безумец – это всегда другой, не такой, как все. Евангельский Иисус в молодости вел себя так, что даже родные считали его сумасшедшим. Был ли Иисус шизофреником или параноиком? Формально у него были сверхценные идеи, что Он – Мессия, Сын Божий, проповедующий Царствие Небесное. Но это была только поверхность. Он очень ясно дал понять Пилату, что Царствие Его не от мира сего. Что пытался сделать Иисус? Он пытался приобщить людей к высшей сознательности (которую Он и называл Царствием Небесным) при помощи метанойи, то есть изменения разума. Его миссия была прервана. Но одно он успел сделать: он дал нам психологию. Суть ее заключалась в том, что внутреннее важнее, чем внешнее². Бред появляется тогда, когда нечто внутреннее начинает восприниматься как внешнее, когда человек экстрацирует внутренний голос, который он воспринимает за реальность. Яркий пример бреда воздействия описан раннехристианским философом Боэцием в трактате «Утешение философией». Он сидел в тюрьме и ждал смертной казни. Тогда ему явилась прекрасная женщина Философия и утешила его.

Тем временем, пока я в молчании рассуждал сам с собою и записывал стилем на табличке горькую жалобу, мне показалось, что над моей головой явилась женщина с ликом, исполненным достоинства, и пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими человеческие, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой; хотя была она во цвете лет, никак не верилось, чтобы она принадлежала к нашему веку. Трудно было определить и ее рост, ибо казалось, что в одно и то же время она и не превышала обычной человеческой меры, и теменем касалась неба, а если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в самое небо и стала бы невидимой для взирающих на нее людей³.

С точки зрения новой модели реальности внутреннее все время переходит во внешнее и наоборот, как на ленте Мебиуса. Как можно изучать бред с точки зрения новой модели реальности? В ответе на этот вопрос цель моей книги.

² Подробно см.: Руднев В. Иисус Христос и философия обыденного языка. М.: Аграф, 2013.

³ Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 190.

Глава первая. Бред воздействия

Представим себе разговор двух людей. Каждый из них считает втайне другого сумасшедшим. Поэтому они боятся друг друга, крайне напряжены и стараются в разговоре быть как можно более любезными. Примерно так относятся друг к другу почти все нормальные взрослые люди. Даже говоря «правду» (люди, склонные полагать, что они знают, что такое правда, глубоко заблуждаются), они лгут другу другу. Каждый видит в другом если не врага, то по меньшей мере противника. Вот этот «разговор» «нормальных» людей на самом деле и есть настоящая шизофрения. Лечить надо здоровых от их здоровья.

Как же люди могут воздействовать друг на друга? Ответ на этот вопрос зависит от того, что считать более фундаментальным – психическое здоровье в традиционном смысле или (тоже в традиционном смысле) психическую болезнь. Я исхожу из того, что «психическая болезнь» более фундаментальна. Потому я часто ссылаюсь на поразившие меня раз и навсегда слова Лакана, что «норма – это лишь хорошо компенсированный психоз»⁴.

Человеку с самого начала его развития приходится испытывать воздействие на себе со стороны значимых объектов и самого себя считать способным на всемогущее воздействие (на самом деле галлюцинаторное). Младенец склонен думать, что все находится под его всемогущим контролем. Впервые об этом ясно написал один из самых ярких учеников Фрейда Шандор Ференци в статье «Ступени развития чувства реальности»⁵. Лишь постепенно ребенок начинает понимать, что не все в его власти, и мириться с этим. Принцип удовольствия сменяется принципом реальности. Но именно из раннего детства и младенчества человек черпает навыки того, как можно воздействовать на другого человека. В том числе и память о том, что воздействие может быть даже смертельным. Это очень хорошо понимал Франц Кафка. В его рассказе «Приговор» старый немощный отец, сидящий в инвалидной коляске, кричит сыну: «Я приговариваю тебя к казни водой», и сын тут же бежит топиться. (Я прошу прощения у своих постоянных читателей за то, что часто из книги в книгу привожу одни и те же примеры. Отчасти я делаю это сознательно: повторение – мать учения.)

Но воздействие не обязательно должно быть грубо авторитарным, прямолинейным, сугубо императивным. «Вон отсюда, ублюдок!» «Встать! Партбилет на стол!» «Коммунисты, вперед!» – это, так сказать, тоталитарное (и в основе своей психотическое) воздействие. Только что я прочитал дневник девушки, у которой был бред воздействия. Ей казалось, что она находится во власти Системы, которая отдавала ей жесткие приказы, например, запрещала ей принимать пищу⁶. Воздействие может быть более утонченным, косвенным. Косвенные речевые акты были подробно описаны ярким представителем теории речевых актов Джоном Серлем⁷: «Было бы неплохо, если бы вы отдали нам деньги прямо сейчас». «Лучше всего было бы, если бы вы сейчас вышли из комнаты» и т. п. Косвенное воздействие логично назвать либеральным воздействием. Либеральное воздействие может быть чрезвычайно эффективным и при этом являться в скрытой форме тоталитарным. Существует пословица: «Если кошке внушать, что она собака, то она в конце концов залает».

Когда я пишу эти строки, мне становится горько и тоскливо, потому что вся эта ложь, воздействие, скрытый тоталитаризм, вражда, жажда наживы – все это бессмысленно. Мы все на самом деле живем в рамках новой модели реальности, где нет нормальных и сумасшедших, где вместо воздействия – взаимодействие. Как объяснить людям, что они живут не в ложной

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн. 5. Образования бессознательного. М.: Гнозис/ Логос. 2002. С. 451.

⁵ Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: Университетская книга, 2000.

⁶ Сэйз М. Дневник шизофренички. М.: Когито-Центр 2013.

⁷ Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике, вы. 17. Теория речевых актов. М., 1987.

реальности, а в волшебном мире добра и справедливости? Даже Христу не удалось это, а куда уж мне! Поэтому я действую по-хитрому. Изучаю бред воздействия, чтобы подспудно, так сказать, от обратного, приучить людей к новой модели реальности.

Предположим, жена говорит мужу: «У нас кончилась картошка, пойдй купи картошки. Хотя что-нибудь сделай для семьи!» Муж послушно идет и покупает картошку. Это лучше, чем если она его будет пилить до вечера. Муж презирает жену за ее мелочность, придирчивость и истерические скандалы. Он не понимает, что тот ад, который царит в их доме, сотворил он сам. Что он невнимателен к жене, утыкается все время в газету, пьет с друзьями пиво, а с ней почти не разговаривает. Таких семей очень много. Но ведь кому-то действительно нужно покупать картошку и другие пищевые продукты. Самый лучший, самый эффективный способ воздействия на близкого человека – это давать ему что-то, а не требовать постоянно от него. Есть два вида боевых искусств – западные и восточные. Западные примитивны: бить, бить, пока противник не упадет и больше не встанет. В восточной боевой практике тайцзи цюань важно, напротив, не нанести удар, а спровоцировать противника нанести неверный удар.

Однажды я участвовал в презентации своей книги «Новая модель бессознательного» на ежегодной ярмарке «Non fiction». Я сидел и «торговал» своими книгами. Подошла бедно, но чисто одетая старушка, купила книгу и попросила сделать дарственную надпись. Я спросил ее, где она работает. Она ответила, что читает лекции во втором медицинском институте. Я спросил: «По философии?». Она кротко улыбнулась и ответила: «Нет, по эндокринологии». Я никогда не забуду эту старушку. Это было одно из самых позитивных воздействий в моей жизни. В минуту разочарований я вспоминаю ее, и мне становится веселей на душе.

Что же такое бред? В клинической традиции на этот вопрос отвечают так. Бред – это система ложных воззрений и высказываний патологического сознания, искаженно отражающих окружающую действительность. Наивность этого определения бросается в глаза. Что значит *ложных* воззрений, какой еще «окружающей действительности»? Как можно определить бред с точки зрения принципов новой модели реальности? Что это за принципы? Прежде всего реальность – это наррация, система посланий, зашифрованных смыслов, взаимно переходящих, проникающих друг в друга и отождествляющихся друг с другом на ленте Мебиуса, где внутреннее переходит во внешнее, а внешнее – во внутреннее. С этих позиций классическое понятие бреда теряет смысл. Бред – это и есть послание, полное зашифрованных загадочных смыслов, наррация, где внутреннее переходит во внешнее. Так, значит, новая модель реальности изображает бредовую реальность? Нет, это *наша* традиционная реальность, в которой мы, как нам кажется, живем, является бредовой. Но не слишком ли это радикальное высказывание? Молодой человек говорит девушке: «Давайте пойдем с вами завтра на концерт, я уже взял билеты». «Конечно!» – радуется девушка. Где здесь бред? Нормальные интеллигентные люди. Будут слушать музыку. Прекрасно! Но почему-то сразу вспоминаются строки из Есенина:

Как прыщавой курсистке длинноволосый урод
Говорит о мирах, половой истекая истомою.

Это из позднего стихотворения Есенина «Черный человек», где изображен классический бред воздействия. Приведем его полностью.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,

Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнуся надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек
Черный, черный...

«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прятки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, – говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой.
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

.....

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная...
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта

Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится. —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой лирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет „она“,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость!
Это слава давно
Про тебя разносится”.
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

.....

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

Что поражает в этом замечательном стихотворении? Его честность и беспощадность. Черный человек – это сам герой, его двойник, «странный объект», психотическая часть его личности. А зеркало – символ его психической смерти. Самая важная, фундаментальная черта бреда – это его честность, находящаяся по ту сторону истины и лжи. В рамках новой модели реальности не герой разговаривает с зеркалом, а зеркало разговаривает с ним, разбитое же зеркало (разбитое сердце?) символизирует не психическую смерть, а фрагментированную ложную целостность личности, как об этом писал Лакан в знаменитой статье «Стадия зеркала».

Что значит «честность по ту сторону истины и лжи»? Быть честным – не означает быть правдивым. Можно честно врать. И можно лицемерно говорить правду. Бред больше похож на честную ложь, наши обычные житейские высказывания – на лицемерную правду. Хорошо. Когда мы приводили пример с молодыми людьми, которые собирались пойти на концерт, и интерпретировали это строками из Есенина, мы хотели сказать, что концерт был только поводом, сублимацией их сексуального желания. Но разве не могут люди пойти на концерт или в театр искренне, из любви к музыке и театральному искусству? Конечно, могут! Однако люди не могут все время ходить на концерты. Они должны себе зарабатывать на жизнь. И вот тут начинается настоящий бред. Они отсиживают в офисах, как отсиживали и при Советской власти, не вылезая из Интернета, этой современной квинтэссенции бреда воздействия, смотрят на часы, ожидая, когда же наконец закончится рабочий день. Но есть другие люди, молодое поколение, которые, наоборот, все время страстно хотят учиться, учиться и учиться. Из десяти моих аспирантов защитил диссертацию всего один. Остальные либо просто сошли с дистанции,

либо поступили в другие аспирантуры и магистратуры. «Раньше все было просто: были мы и были они», – сказала в начале перестройки моя жена. *Мы* ходили на концерты, читали «Школу для дураков» и стихи Бродского. *Они* вступали в партию, ездили по заграницам и покупали шмотки. Сейчас все действительно перепуталось. Что же такое бред? Бред – это наша обыденная жизнь. Мы сейчас живем в атмосфере тотального интеллектуального кризиса. И когда мы из него выберемся, неизвестно. Героями нашего времени вновь становятся Передонов и Варвара. Что же делать? Прорываться в новую реальность. Исповедовать метанойю. Думать, думать! Но я не буду думать за тебя, читатель. Я буду лишь помогать тебе думать самостоятельно. Давай думать вместе, как вырваться из тисков бреда воздействия. Но для этого надо сначала хорошо изучить его. Что ж, за дело!

С клинической точки зрения бред воздействия представляет собой такое положение вещей, когда, как правило, в голове больного заводится, как ему кажется, какое-то существо или какая-то сила, которая руководит его действиями, приказывает и запрещает. Человек становится послушным автоматом в руках этой силы.

Что здесь бросается в глаза? Прежде всего модальный характер бреда воздействия. Он представляет собой ярко выраженную деонтическую модальность. Нечто должно делать, нечто запрещено делать, но ничто не разрешено. Страдающий бредом воздействия становится как будто одержим дьявольской силой. Он лишается воли, все за него решает другой. Самое удивительное и самое страшное, что эта дьявольская сила является лишь обратной черной стороной самого бредящего, как в процитированном стихотворении Есенина.

Как же человек мог попасть в капкан собственной психики? Учение о новой модели реальности может интерпретировать этот парадокс так. Каждый человек в принципе диссоциирован. В нем находится много субличностей, и одна переходит в другую. В какой-то момент одна из них становится доминирующей и подчиняет себе волю всех остальных. В рамках новой модели реальности не может быть никакого бреда воздействия, поскольку там все переходит во все и все отождествляется со всем.

Но как же это объяснить страдальцу, у которого в голове зловещая сила приказывает, что ему делать и чего не делать? Как можно переселить человека в новую реальность? Это очень трудно, но возможно. Для этого надо обесценить голос зловещей силы, звучащий в голове человека. Как это сделать? Надо попытаться противопоставить ей противоположную добрую силу, которая в состоянии победить злую силу. Но это лишь первый шаг – показать человеку, что его внутренний мир является ареной борьбы добра и зла. Если злая воля приказывает и запрещает, то добрая воля разрешает. Второй шаг заключается в том, чтобы показать, что зло является лишь обратной стороной добра. Надо, чтобы человек обрел смелость встретиться с самим собой и обрел целостность как дизъюнктивный синтез всех наличествующих в нем начал.

Как всего этого добиться? В битве враждующих внутри человека архетипов должна победить Самость. Для западного человека воплощением Самости является Иисус Христос. Ситуация Христа противоположна бреду воздействия. Он так доверял Своему Отцу, что принял смерть, уверенный, что воскреснет через три дня. Эзотерическая трактовка Страстей Христовых заключается в том, что человек должен умереть как ветхий человек и родиться как новый. Но причем же здесь бред воздействия? Чтобы победить его, человек должен встать на позицию Христа, у которого тоже был эпизод, сходный с бредом воздействия, когда дьявол искушал его в пустыне. В сущности, как и всякое психическое заболевание, бред воздействия – это проверка на прочность или даже инициация. Для того, кто прошел эту инициацию, уже ничего не страшно, отныне дьявол бессилен будет что-то ему приказывать или запрещать. Нормальным эквивалентом бреда воздействия является влюбленность, когда любимый как будто вселяется в душу влюбленного и начинает терзать ее. Кажется, что лучше умереть, чем терпеть такое мучение.

Дона Анна

Ну? что? Чего вы требуете?

Дон Гуан

Смерти.
О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят,
Не подле праха, милого для вас,
Не тут – не близко – дале где-нибудь,
Там – у дверей – у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб,
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Дон Гуану действительно пришлось умереть от руки статуи Командора, которого он сам вызвал к жизни своей дерзкой отвагой. Однажды у меня была пациентка, в которую влюбился ученый старше ее. У нее также был друг, который отнесся ко всему этому очень мягко. Пациентка восхищалась его благородством, а я качал головой. «Хорошо! – взорвалась она, – а вы бы что сделали на его месте?» – «Я бы на его месте вызвал бы вашего нового друга на дуэль». Это была шоковая терапия. Больше я свою пациентку не видел. Я решил, что она сама разберется в ситуации.

Как же все сказанное можно обобщить с позиций новой модели реальности? Человек, пребывающий в этой новой реальности, должен отказаться от всех оппозиций, сопровождавших его прошлую обыденную жизнь. Он теперь не нормальный и не сумасшедший, не здоровый и не больной, не хороший и не плохой, не живой и не мертвый. Он вообще должен отказаться от своей личности. Он становится частью какого-то огромного целого, которое парадоксальным образом является частью его самого.

Теперь попробуем подойти к проблеме от обратного. Возможна ли такая ситуация, когда на человека что-то не воздействует? Кажется, что, конечно, да, возможна. Вот я сижу дома и пишу книгу «Логика бреда». А в это время моя жена читает лекции в университете. Она воздействует на своих студентов. А на меня никоим образом. Но это не так. Она воздействует на меня своим отсутствием. Я скучаю по ней, думаю, когда она наконец придет, и т. д. Хорошо, допустим, где-то в Африке, в джунглях, негр сидит в хижине. Уж он-то точно не воздействует на меня. И Барак Обама не воздействует на меня. И Анджела Меркель не воздействует на меня. И даже Николь Кидман на меня не воздействует, если я не смотрю фильм с ее участием. Но стоит мне мысленно представить себе негра в хижине, Барака Обаму и Николь Кидман, они начинают воздействовать на меня. Но как же на меня могут воздействовать люди, которых я никогда в жизни не видел, разве что по телевизору? Они воздействуют на меня самым фактом своего существования. А неодушевленные предметы? Разве ручка, которой я пишу, воздействует на меня? На первый взгляд, кажется, что точно не воздействует. Но стоит в ней кончиться чернилам, я не смогу ею писать. Выходит, я испытываю косвенное воздействие со стороны своей ручки, я зависю от нее. Пока я жив, я испытываю воздействие от всего на свете, и все на свете испытывает воздействие с моей стороны. Здесь мы приближаемся к законам новой модели реальности, где все взаимодействует со всем.

Как все может взаимодействовать со всем? Постараюсь объяснить, как я сам это понимаю. В рамках новой модели реальности нет вещей, событий, слов и предложений. Вещь-собы-

тие-слово-предложение это одно и то же, переходящее, превращающееся, проникающее в другие вещи-события-слова-предложения. В рамках новой модели реальности, если у меня бред воздействия, значит, у всей реальности бред воздействия, или, скорее, вся реальность представляет собой один сплошной бред воздействия. Можно возразить, что эта картина не реалистична. А что реалистично? Мобильный телефон? Интернет? Телевизор? Компьютерная графика? Мы собираем реальность, как пазл, но только этот пазл не статичный, он подвижный. Если мы рассмотрим моментальный срез традиционной реальности, то мы мысленно увидим, что в ней одновременно происходит множество событий: кто-то спит, кто-то катается на велосипеде, ест, занимается любовью, читает книжку, пьет пиво, рождается, умирает. Вдумаемся: разве это не фантастическая картина! А теперь представьте, что все перечисленные и не перечисленные события – это вы сами. Каждый из нас одновременно спит, катается на велосипеде, ест, занимается любовью, читает книжку, пьет пиво, рождается и умирает. Это и есть новая модель реальности.

Но давайте на минуту спустимся на грешную землю, в обычную реальность, где, положим, молодой человек говорит девушке: «Я тебя люблю, выходи за меня замуж», а она отвечает, что не может этого сделать, потому что любит другого. Как эта ситуация выглядит с точки зрения новой модели реальности? Девушка воздействует на молодого человека, на девушку воздействует какой-то другой человек, которого она любит и который, возможно, любит ее. Но они все – одно зашифрованное послание, один треугольник с множеством углов, где все девушки любят всех молодых людей и взаимно превращаются друг в друга. Я вижу, вы не понимаете меня. Тогда вспомните первые кадры фильма «Малхолланд драйв», где танцуют его будущие персонажи, переходя один в другого. Вспомните странную онтологию этого фильма, в которой непонятно, где заканчивается одна девушка и начинается другая. Этот фильм очень важен для нас. Он сделан в духе новой модели реальности, и мы еще вернемся к нему. К чему мы сейчас приходим? Я думаю, к тому, что бред воздействия есть какая-то ошибка, результат неправильного взаимодействия одной части психики с другими. Но человек – не автомобиль и даже не компьютер. Его нельзя разобрать, исправить неполадки и собрать снова.

Как восстановить правильное взаимодействие частей психики человека? Психиатр ответит так: «Существуют нейролептики нового поколения, которые решают эту проблему за несколько дней». А как эта проблема решалась, когда не было нейролептиков, во времена Гельдерлина, Сведенборга или Сократа, у которого был своеобразный бред воздействия, который он назвал даймоном? Один пациент спросил свою жену: «Что ты сделаешь, если я приду к тебе и скажу, что я убил человека?» Она ответила: «Я обниму тебя и крепко прижму к себе, и тогда тебе станет легче». Истинно, истинно говорю: эта женщина живет в рамках новой модели реальности.

Можно ли сказать, что бред – это такое положение вещей, при котором человек погружается в себя и его мышление искажает объективную реальность? Но в который раз спросим себя: что такое объективная реальность? и в который раз ответим: она лишь иллюзия. Реальность принципиально скоординирована с моим сознанием, и, стало быть, каков бред, такова и реальность. Бред – это языковая игра со своими правилами. Если это бред отношения, то основным правилом является то, что все имеет ко мне отношение, все обращают на меня внимание, всё, что пишут в газетах, показывают по телевизору и выкладывают в Интернете, относится ко мне. Если это бред преследования, то основным правилом является то, что меня кто-то преследует, как у Пушкина Медный Всадник преследует Евгения. Если это бред воздействия, то основное правило заключается в том, что какая-то сила внутри меня руководит моими мыслями и поступками. Если это бред величия, то основное правило заключается в том, что я – Наполеон или Христос, или испанский король, или Дева Мария. Или же все, вместе взятые.

Что общего между всеми перечисленными видами бреда, составляющими развернутый бредово-галлюцинаторный комплекс при параноидной шизофрении? Пожалуй, общим явля-

ется то, что бредящий чрезвычайно активно взаимодействует с реальностью, а вовсе не отдаляется от нее. Отто Ранк, автор книги «Травма рождения», в другой своей книге писал, что безумец пребывает в истине, в то время как «нормальный человек» – в иллюзии своей нормальности. Я совершенно согласен с этим положением. Вот я сам сейчас пребываю в опасной иллюзии, что я – философ, писатель, автор большого числа книг, и больше знать ничего не желаю. Почему это иллюзия, и чем она опасна? Если я философ и писатель, то, значит, я нормальный человек, т. е., по Ранку, пребываю в иллюзии своей нормальности. Как мне пробиться к психотической истине и утвердиться в ней? Что на этот счет говорит новая модель реальности? Она говорит, что Я – настолько пустая и ненужная вещь, что о ней вообще не стоит и думать. Нет никакого Я, есть только взаимные превращения и отождествления. Но ведь это я придумал новую модель реальности. Как же она может диктовать мне свои условия? Но так ставить вопрос – значит вновь заниматься раздуванием, инфляцией своего Я. Не я придумал новую модель реальности, а она придумала меня, впустила меня в себя на какое-то время. В рамках новой модели реальности все действительно имеет отношение ко всему, и, стало быть, бред отношения – фикция. Все на самом деле преследуют всех, но не в том смысле, в каком убийца преследует жертву, а скорее в том, в каком говорят о преследовании какой-то цели. Какую цель преследую я? Ведь цель состоит не в том, чтобы написать очередную книгу, а в том, чтобы в очередной раз предпринять попытку разобраться в себе. Но ведь есть больные, у которых на самом деле есть преследования, которые уверены, что их преследуют масоны, ЦРУ или ФСБ. Если человек думает, что его преследуют масоны, то в его модели реальности, в его возможном мире так оно и есть. Он страдает и мучается из-за этого, его жизнь превращается в кошмар. Если же человека *на самом деле* преследуют, то жизнь его на самом деле превращается в кошмар. И, самое главное, невозможно определить, на самом ли деле его преследуют или у него персекуторный бред. «А судьи кто?» Точно так же дело обстоит с бредом воздействия. Кто мне докажет, что я на самом деле не одержим какой-то дьявольской силой? Что это такое «на самом деле»? Да, черный человек Есенина – это был он сам, его психотическая часть, но он *сам* пришел к этому. Так что же, надо оставить все как есть? Не лечить бредящих? Пусть себя бредят на здоровье! В определенном смысле так оно и есть. Но это же бесчеловечно! А не бесчеловечно ли было в брежневские времена преследовать инакомыслящих, сажать их в сумасшедшие дома и закалывать аминазином и галоперидолом, пока они от этого действительно не сходили с ума? У каждого человека есть свой жизненный проект, и он будет осуществлять его. Здесь не поможешь никаким таблетками.

Теперь о бреде величия. Ведь что такое бред величия? Чаще всего он возникает на терминальной стадии шизофрении. Человеку представляется, что он мессия. Ну что же, значит, он в своем жизненном проекте, в своем возможном мире действительно мессия. Христа, который заявлял, что Он – Сын Божий, тоже поначалу считали сумасшедшим. Но ведь у Ницше в конце жизни был бред величия. Он отождествлял себя то с Христом, то с Дионисом. Что ж, Ницше сам писал: «Падающего толкни!» То есть любому процессу не стоит препятствовать, а надо содействовать его завершению. А как на это отреагирует новая модель реальности? И Ницше, и Христос, Дионис, и все другие боги и смертные суть проявления одного начала, творческого по своей природе.

Все человеческие (а в новой модели реальности – и не только человеческие) отношения регулируются механизмом проективной идентификации, открытым Мелани Кляйн и в дальнейшем подробно разработанным ее последователем Уилфредом Бионом. Суть этого механизма как универсального механизма защиты состоит в том, что человек не просто идентифицирует себя с другим человеком, но и пытается заставить его вести себя так, как сам хочет. Например, пациент в психоанализе отождествляет аналитика со своим отцом и начинает его ненавидеть, навязывает ему свою трансферентную ненависть и заставляет его вести себя так, как будто он и есть его отец. В свою очередь аналитик в своем контрпереносе может отве-

тить пациенту взаимной ненавистью. Но на месте ненависти в проективной идентификации может быть и любовь, и взаимопонимание, и любое другое чувство. Проективная идентификация имеет непосредственное отношение к бреду воздействия. Когда сознание человека раздваивается и его психотическая часть в виде некой силы воздействует на него, понуждая к одним поступкам и запрещая другие, это и есть механизм проективной идентификации. Как может себя повести в ответ человек, страдающий бредом величия? Он может подчиниться и может бороться. Как здесь можно бороться, мы уже писали: для этого нужно обесценить воздействующую силу. Для этого психотик прибегает к следующему маневру, подробно описанному Бином: он выталкивает свою психотическую часть наружу и вселяет в какую-нибудь вещь – черные очки, тапочки, халат, во все, что угодно. В результате образуется то, что Бин назвал «странными объектами». Но это сугубо психотическое решение проблемы. Оно облегчает психотику жизнь в том смысле, что бороться с внешним противником гораздо легче, чем с внутренним. Но в этом случае могут появиться другие странные объекты, и все начнется снова. Есть ли более эффективные способы борьбы с бредом воздействия? Такие способы возможны лишь в рамках какого-то конкретного психотерапевтического метода, например, гешальт-терапии или психодрамы. Пациенту предлагается вывести наружу свою психотическую часть, посадив ее на «горячий стул». Затем он должен также экстрацировать свою творческую часть и посадить ее на другой стул. Между этими тремя объектами заводятся прения в присутствии психотерапевта, и все стороны могут высказываться совершенно откровенно. Я присутствовал на подобных сеансах и могу сказать, что они весьма эффективны. Как выглядит эта ситуация в рамках новой модели реальности? Проективная идентификация играет там гораздо большую роль, чем в традиционно понимаемых человеческих отношениях. Но при этом важно, что новая модель реальности не признает «странных объектов», так как в ее рамках нет ни бреда, ни безумия. Одно переходит в другое. Происходит бесконечный диалог между ее элементами. В этом диалоге имеет место не воздействие, а взаимодействие. Проективная идентификация играет роль мощного стимула к осуществлению этого диалога, так как она носит принципиально взаимный характер.

Если вернуться к обыденной реальности, то следует, очевидно, поинтересоваться, какую роль играет проективная идентификация в других видах бреда. Возьмем бред отношения. Допустим, мне кажется, что за мной все пристально наблюдают – на улице, в кафе, на работе, везде. Все пытаются осуществить по отношению ко мне проективные идентификации. Тогда у меня возникает естественный в данных обстоятельствах вопрос: почему ко мне проявляется такое повышенное внимание? Ответов может быть только два. Первый заключается в том, что, наверное, меня хотят уличить в каком-то преступлении или неблагоприятном поступке. Так бред отношения перерастает в бред преследования. Второй ответ таков: если все на меня обращает внимание, значит, я такая значительная личность. Так бред отношения перерастает в бред величия. Какую роль здесь играет проективная идентификация? При бреде преследования преследующий хочет поймать меня и признать виновным. При бреде величия дело обстоит более сложно. Здесь самое важное заключается в том, что собственное Я больного исчезает и на его месте появляются Наполеон, Иисус Христос и т. д. Мегаломан сам становится гиперстранным объектом, так как патологическая проективная идентификация поглощает его собственное Я, растворяет его в экстрактивной идентификации с великим человеком. Чем проективная идентификация отличается от экстрактивной? Тем, что для проективной идентификации нужно два субъекта, а при экстрактивной они сливаются в один квазисубъект (гиперстранный объект) или в целый кластер квазисубъектов, поскольку при бреде величия больной может отождествлять себя с кем и с чем угодно. Парадоксальным образом бред величия очень близок к тому, как складываются отношения между элементами в рамках новой модели реальности, так как там все отождествляется со всем. Мы должны еще раз повторить, что все анализируемые виды бреда имеют свои эквиваленты в обыденной «здоровой» жизни, где на нас обращают

внимание, преследуют нас, воздействуют на нас и где мы сами считаем себя выдающимися людьми. Почему такие слова, как «здоровый» или «нормальный», я ставлю в кавычки? Потому что психическая норма – эта такая же иллюзия, как внешняя реальность. Как за обыденной моделью реальности стоит новая модель реальности, так за психической нормой скрывается, по словам Лакана, «хорошо компенсированный психоз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.